

УДК 94(470.67)

DOI:10.24411/2618-6772-2018-10104

Магомедов Назим Абдурахманович,

д.и.н., зав. отделом Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, Махачкала

sharafutdin@list.ru

ПРОИСКИ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ ПО УСИЛЕНИЮ АНТИРОССИЙСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВВ.

Аннотация. В данной статье на основе анализа разнообразных источников и имеющейся литературы рассматривается становление русско-кавказских, русско-дагестанских отношений во второй половине XVIII – начале XIX в. в контексте международной ситуации в кавказско-переднеазиатском регионе. В статье автор описывает геополитические амбиции трех могущественных государств того времени – Османской империи, шахского Ирана и Российского государства. По мнению автора, геополитическое положение Северо-Восточного Кавказа издавна привлекало внимание правителей ведущих стран и народов, как соседних, так и отдаленных. Став одним из центров мировой политики, данный регион в силу своих важных геостратегических позиций привлек внимание европейских держав, в первую очередь, Англии и Франции. Активизация петровской России на Кавказе поставила вопрос о его судьбе в круг важнейших проблем мировой политики того периода. Автор считает, что соперничество Англии и Франции как за ведущую роль на европейском континенте, так и за колониальные владения в Азии и Америке, не помешало им предпринимать совместные меры, направленные на ограничение международного влияния России. Они подталкивали Персию и Турцию на войну с Россией на Кавказе, чтобы остановить продвижение России к южным морям и выходу на Восток. С этой целью они использовали опорные базы османов и сефевидов на подступах к Северному Кавказу, созданные еще до XVIII в. Для противостояния России использовались также владения Сефевидской Персии на Южном Кавказе и Дагестане, для чего активно привлекалась местная политическая элита.

Ключевые слова: Россия, Северо-Восточный Кавказ, иностранные державы, антироссийская деятельность, международные отношения.

THE INTRIGUES OF FOREIGN COUNTRIES TO STRENGTHEN ANTI-RUSSIAN ACTIVITY IN THE NORTH-EASTERN CAUCASUS IN THE SECOND HALF OF THE 18TH – EARLY 19TH CENTURIES

Nazim A. Magomedov,

Doctor of Historical sciences, Head of the Department of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Scientific Center of RAS, Makhachkala

sharafutdin@list.ru

Abstract. In this paper, the formation of Russian-Caucasian, Russian-Daghestan relations in the second half of the 18th - beginning of the 19th centuries considered on the basis of an analysis of various sources and available literature in the context of the international situation in the Caucasus-and-Asia region. In the article the author describes the geopolitical ambitions of the three powerful states of the time - the Ottoman Empire, Shah's Iran and the Russian state. According to the author, the geopolitical position of the North-Eastern Caucasus had long attracted the attention of the rulers of the leading countries and peoples, both neighboring and remote. Becoming one of the centers of world politics, this region, due to its important geostrategic positions, attracted attention of European powers, primarily Britain and France. Activization of Peter's Russia in the Caucasus raised the question of her fate in the circle of the most important problems of world politics of that period. The author believes that the rivalry

between Britain and France, both for the leading role in the European continent and for the colonial possessions in Asia and America, did not prevent them from taking joint measures aimed at limiting Russia's international influence. They pushed Persia and Turkey to a war with Russia in the Caucasus to stop Russia's advance to the southern seas and exit to the East. To this end, they used the bases of the Ottomans and Safavids on the approaches to the North Caucasus, created before the 18th century. To confront Russia, the possessions of the Safavid Persia in the South Caucasus and Daghestan were also used, for which the local political elite was actively involved.

Keywords: Russia; the North-Eastern Caucasus; foreign powers; anti-Russian activity; international relations

Проблема борьбы иностранных государств на Северо-Восточном Кавказе против России актуальна сегодня как никогда и до конца она еще не изучена. Зарубежные исследователи, исходя из задач оправдания политики своих стран, настаивали на версии об извечной агрессивности России, а политику Ирана, Турции, Англии и Франции расценивали как оборонительную. С их точки зрения, эти государства защищали народы Северо-Восточного Кавказа от агрессивной России и спасали их от физического уничтожения. Общеизвестно, что все участники кавказской политики проводили агрессивную политику по отношению к народам Северо-Восточного Кавказа и преследовали свои личные захватнические интересы.

Северо-Восточный Кавказ и особенно прикаспийские области имели важное значение в экономическом и военно-стратегическом плане и поэтому назывались «воротами» между Западом и Востоком. Россия, понимая важность Северо-Восточного Кавказа для обеспечения безопасности южных границ, активно добивалась распространения своего влияния на данный регион. По мере укрепления позиции России, в регионе усиливалась антироссийская борьба иностранных государств.

К середине XVIII в. наибольшая угроза южным границам России исходила от шахского Ирана. Анализируя многочисленные письма, приказы и другие официальные документы, исходящие из шахской дипломатии, мы приходим к выводу, что Надир-шах хотел создать на Северо-Восточном Кавказе плацдарм для борьбы против России. Учитывая стратегическое значение Северо-Восточного Кавказа, он хотел закрыть Прикаспийские области от влияния России, соорудив на его территории ряд крепостей и поставив разъезд на Тереке. Российский посланник при шахе И. П. Калущкин доносил, что «он (шах, – *Н.М.*) польщения на Россию не оставляет и намерен сперва отправить к русскому двору новое посольство с домогательством о возвращении всех денежных расходов, которые якобы получены с городов, бывших 12 лет в российском владении, и о выдаче находящихся в России персидских подданных. Но если ему в этом откажут, то хочет сей обман употребить для начала войны с Россией, ударить на Кизляр, идти прямо не только до Астрахани, но и до Царицына» [1, с. 132].

В связи с распадом государства Надир-шаха, соотношение сил на Востоке сложилось в пользу Турции. Пользуясь ослаблением Ирана, Турция пыталась использовать антииранское освободительное движение для установления на Северо-Восточном Кавказе своего протектората. Европейские державы, боровшиеся за преобладание на Ближнем и Среднем Востоке, усилили свои позиции в Турции и тоже вмешивались в кавказские дела и поддерживали планы султана овладеть Кавказом и превратить Северо-Восточный Кавказ в базу антироссийской борьбы. Турция деятельно готовилась к вторжению на Кавказ и юг России. В пограничных с Кавказом областях сосредоточивались войска, а многочисленные турецкие агенты всеми возможными способами старались подчинить влиянию Порты владетелей Закавказья и Дагестана с тем, чтобы при удобном случае прибрать их к рукам. Зимой 1751 г. султан Махмуд I прислал «немалые подарки» дербентскому хану Магомед Гусейну, тарковскому шамхалу Хасбулату, кайтагскому уцмию Амир Гамзе и кубинскому Гусейн Али-хану, пытаясь выяснить, на каких условиях они желают быть в турецком подданстве.

В ответ российские власти усилили политику «ласкания» местных владетелей, что имело важные политические последствия. В течение 1750–1751 гг. обратились за подданством к России и получили заверения в покровительстве с ее стороны шамхал Хасбулат, Магомед Гусейн-хан дербентский, кубинский хан Гусейн Али. Немногим позже

с аналогичной просьбой к русскому правительству обратились владетель Аварии Магомед Муса-хан, Магомед-хан казикумухский, старшины Андийского общества и т.д. Русско-турецкое соперничество на Северо-Восточном Кавказе заметно обострилось после воцарения на российском престоле Екатерины II в 1762 г. В военных планах Порты значилось желание захватить не только прикаспийские области Восточного Кавказа, но и земли Засулакской Кумыкии, находившиеся под покровительством России. С этой целью в начале 60-х годов участились визиты османских эмиссаров в Закавказье и Дагестан.

В условиях усилившегося соперничества с Османской империей российское правительство не забывало и об Иране. Информацию о положении в этой стране должны были собирать не только российские консулы в разных городах Ирана, но и все лица, направляемые по служебным поручениям или для «разведывания» в горные районы Северного Кавказа. Так, в марте 1763 г. вернувшийся из Чечни ротмистр И. Мещеряков привез в Кизляр тревожные сведения, полученные от чеченского владетеля Алисултана Казбулатова. По сообщению последнего, ездившие для продажи коней в Муганскую степь эндириевские жители видели там иранского правителя Керим-хана Зенда «с немалым войском». По их словам, Керим-хан вступил в переговоры с правителем Дербента и Кубы Фатали-ханом, дабы тот «его к себе ожидал и город бы Дербент возвратил, и он бы совсем был в его протекции» [2, с. 126]. Фатали-хан с готовностью отозвался на этот призыв, отправив к Керим-хану курьера с подарками и объявлением, что «город Дербент без всякого уступает, да и сам он ему во всем быть послушным желает» [3, с. 89].

В 1768 г. Турция, используя благоприятный момент, развязала войну с Россией. К этой войне османов подталкивала Франция, правительство которой прекрасно понимало, что Турция потерпит поражение, но война с ней истощит и российский бюджет. До начала военных действий и особенно в период войны Турция предприняла ряд мер, чтобы привлечь на свою сторону народы Северного Кавказа. Сюда, в том числе и в Дагестан, были посланы многочисленные агенты, которые всячески пытались настроить против России местных феодальных владетелей. Однако эта агитация не имела успеха. Осенью 1769 г. возвращавшийся из Мекки через Стамбул племянник казикумухского Магомед-хана Хаджи-Гирей был с почетом принят султаном Мустафой III и отпущен в Дагестан с крупной суммой денег и многочисленными подарками «для подзыва дагестанцев и кумык в протекцию султана» и чтобы начали они против России враждебные действия [4, с. 30].

Находясь в Карсе, а затем в Ахалцихе, Хаджи-Гирей дважды обращался к Магомед-хану и своим братьям, чтобы они собрали войско и выступили в поход против грузинских царей, поддерживаемых Петербургом. Однако на этот призыв, за исключением самовольно уехавшего чанки Махмуда с некоторыми людьми, другие не отозвались, хотя подготовка к выступлению, по-видимому, велась. Сам Магомед-хан выразил недовольство пребыванием в османской столице своего племянника, а Фатали-хан посоветовал Хаджи-Гирею отказаться от задуманной акции. Народы Северо-Восточного Кавказа не только не поддержали Турцию в войне против России, а наоборот приняли участие в закубанском походе Медема и пришли на помощь грузинам. Их отряд в войсках царя Ираклия насчитывал до 4 тысяч воинов. Под влиянием одержанных русской армией побед пророссийская ориентация среди дагестанских владетелей еще более окрепла. В феврале-марте 1772 г. к кизлярскому коменданту обратились эндириевские владетели и аварский нуцал Магомед-хан с заверением о своей преданности России [5, с. 78].

Завершивший победоносную для России войну Кючук-Кайнарджийский мирный договор имел важное значение и для народов Кавказа. Он нанес сильный удар по Турции, подорвал престиж султана и ослабил его влияние на кавказских мусульман.

Новый виток активизации антироссийской деятельности Турции на Северо-Восточном Кавказе приходится на 1783 г., когда Грузия, согласно условиям Георгиевского трактата, была принята под протекторат России. Как только весть о подписании трактата стала известна, владетели Северо-Восточного Кавказа стали наперебой обращаться к российскому правительству с просьбой принять их под свое покровительство [6, с. 266].

Султанская Турция, не оставлявшая мысли прибрать к своим рукам Кавказ, резко отрицательно относилась к росту влияния России. Османское правительство начало спешную подготовку к войне. Ахалцихский паша посылал своих агентов вербовать на свою службу горцев Кавказа. Эти агенты запугивали феодальных владетелей, внушая им,

что с прибытием русских войск их изгонят. Фатали-хану дербентскому, например, они говорили, что при русских он «будет свинопасом». Одновременно кавказским владетелям отправлялись щедрые подарки с тем, чтобы привлечь их на свою сторону. Рядовым горцам, поступившим на турецкую службу, обещали выплачивать по 50 рублей [7, с. 116].

Как отмечает В.Г. Гаджиев, не менее многочисленной была агентура, выступавшая под видом шейхов, сеидов, мулл и дервишей. Они вели антирусскую пропаганду, призывая правоверных выступить в защиту ислама от посягательств неверных. Сулейман-паше ахалцихскому было предписано неусыпно наблюдать за ходом дел, и чтобы задобрить дагестанский народ, известный своей храбростью и преданностью вере, посланы были султанские подарки для раздачи предводителям этого народа «с целью побудить его к священной войне. Одному только Ума-хану аварскому было передано 500 кисетов турецких пиастров» [1, с. 36].

Однако усилия турецкого правительства не привели к желаемым результатам. «В черном народе, – сообщал царский лазутчик, – молва идет, что в Персию (на Восточный Кавказ –Н.М.) придут русские войска, и ожидают через прибытие оных избавиться от междоусобий, тяжких налогов. Знатного же рода весьма сим слухам не довольны» [1, с. 49–50].

Развернувшееся в 1785 г. в Чечне движение шейха Мансура не получило поддержки дагестанских народов, несмотря на призывы султана Турции «чтоб здешние жители веру свою крепко держали и соблюдали и с русскими не мирились» [8, с. 21]. Одному из влиятельных правителей Дагестана аварскому хану было послано от султана много денег с просьбой, чтобы он помог шейху Мансуру. Лишь только засулакские кумыки на первом этапе приняли в нем участие, но очень скоро отошли. Мало того, почти все крупные феодальные владетели Дагестана вновь по собственному желанию присягнули на верность России [7, с.143].

Тем не менее вопрос о включении Дагестана в состав России не получил в это время окончательного решения ввиду того, что в августе 1787 г. Турция развязала новую войну. Включение Дагестана могло осложнить отношения России с Ираном, что было крайне нежелательно в сложившихся условиях. России также приходилось считаться с тем, что правящие круги Англии и Франции не только подогревали реваншистские устремления Порты, субсидировали султана, но и прилагали все усилия к созданию против России мощного заслона из государств Европы и Ближнего Востока. Так, французский посол активно уговаривал Али-Мурат-хана, пришедшего к власти в Иране, начать войну с Россией. Турецкие же эмиссары привезли в Дагестан для раздачи местным владетелям 80 тысяч червонцев, 30 халатов и другие подарки [9, с. 169].

По плану турецкого главнокомандования пограничные пашы, присоединив к себе силы дагестанских и азербайджанских владетелей, должны были вторгнуться в российские пределы. С этой целью на Северо-Восточный Кавказ для агитации был направлен турецкий егермейстер Салих-ага. Всем крупным феодальным владетелям были разосланы письма с призывом подняться на священную войну против иноверцев. Но призывы турок не нашли поддержки в Дагестане. К примеру, Ума-хан аварский переслал полученное им письмо кавказскому командованию и заверил его в своей преданности России [10, с. 38].

Однако небольшая часть феодалов все же поддавалась турецкой пропаганде. Владетель Дженгутая Али-Султан вместе со своим братом и отрядом в 200 человек совершили набег на Грузию. К этой акции они хотели привлечь казикумухского и аварского ханов, но те отказались. Турки пытались использовать и междоусобную войну между Фатали-ханом и группировкой дагестанских владетелей в своих целях, но безрезультатно. Тем не менее, засылка эмиссаров в Северо-Восточный Кавказ продолжалась с тем, чтобы возбудить горцев против России.

После заключения между Россией и Турцией мирного договора и ухода иранских войск с Кавказа борьба Турции и Ирана против России за влияние на Северо-Восточном Кавказе приостановилась. Однако это было временное затишье. Англия и Франция специально осложняли обстановку в регионе, искусственно создавая новое антироссийское объединение. Под руководством Франции между Ираном и Портой велись переговоры, целью которых было образование ирано-турецкого наступательного блока, направленного против России. В свою очередь, Османская империя полученную от

Англии и Франции военную и финансовую помощь использовала для организации антироссийской борьбы, в частности, «полученные Портою от иностранных покровителей деньги щедрой рукой раздавались вместе с халатами, саблями, султанскими фирманами» и прочими подарками кавказским правителям и владельцам [11, с. 131]. В ответ султан требовал антироссийской борьбы от северокавказских народов, в том числе частых нападений на Грузию, отвлекавших большие военные силы России.

Накануне русско-турецкой войны 1787–1791 гг. из-за напряженной обстановки на Северо-Восточном Кавказе Россия была вынуждена ввести свои войска. Вместе с тем Россия взяла курс на укрепление и расширение экономических и политических связей с населением, делала все, чтобы «приобрести привязанность» народов Северо-Восточного Кавказа. Специально посланный в Дагестан для обследования «касательно верности тех владельцев в расположении» к России и выяснения, «нет ли подсылок от Порты» [4, с.71], российский офицер, ногаец по происхождению, Навруз-Али Иланкулов, сообщал о встречах с тарковским шамхалом, кайтагским и другими владельцами Восточного Кавказа. Он смог убедиться в верности их России, несмотря на активную антироссийскую деятельность османов, в частности, он писал, что «все жители желают безмерно и быть под российским покровительством, и почему более ханы страшатся преклониться на приглашение Порты» [3, с. 289].

Следовательно, между Россией и Турцией даже в относительно мирные годы шла постоянная агитационная борьба. Со своей стороны Россия старалась сохранить добрые отношения с народами Северо-Восточного Кавказа. Порта, в свою очередь, ценными подарками, деньгами, уговорами, угрозами требовала от владельцев Северо-Восточного Кавказа антироссийских выступлений. Османы использовали малейшие междоусобные конфликты у горцев в своих антироссийских целях. В 1789 г. султан вновь обратился со своим фирманом к мусульманам Кавказа: «По случаю настоящей у меня с Россией войны предписываю сим всем мухаметского вероисповедания народам стараться денно и ночью вооружаться и ополчаться против россиян, будет же поступать кто вопреки сего, то да будет яко беззаконным и жена от него свободна» [12, с. 73].

В другом своем послании того же года султан Селим III сообщал народам Северо-Восточного Кавказа о своем намерении послать в регион 60-тысячную османскую армию для оказания помощи в борьбе с Россией и обещал крупное денежное вознаграждение активным участникам «священной войны» с «гяурами» [2, с. 298].

В таких ситуациях Россия вынуждена была принимать ответные меры против антироссийских заявлений султана. Кроме того, необходимо было принять меры, чтобы некоторые владельцы не соблазнились на подарки и деньги. По этой причине Государственный совет России на специальном заседании в октябре 1789 г. обсудил несколько вопросов, касающихся Северного Кавказа: об антироссийской деятельности Порты в регионе, о российско-северокавказских отношениях и позиции России в Дагестане, в том числе и вопросов о желании некоторых дагестанских владельцев принять российское подданство. В результате российское правительство предписало для улучшения взаимоотношений с народами Дагестана «пропускать их на прежнем основании без всяких пошлин» в Кизляр по торговым делам [12, с. 173].

В 1790 г. на антироссийском фронте Порта развернула широкомасштабные наступательные действия с отправкой на Северо-Восточный Кавказ 30-тыс. армии под командованием Батал-паши, который должен был с объединенными силами северокавказских владельцев подчинить Кабарду, захватить Кизляр, оказать давление на Дагестан и Южный Кавказ, укрепиться на побережье Каспийского моря и в целом на Кавказе. Одновременно с отправкой войск на Северо-Восточный Кавказ султан отправил своих посланников с фирманами, подарками, где правитель Порты призывал горцев к объявлению «священной войны» против неверных [2, с. 21]. Посланники султана начали подговаривать владельцев объединенными силами организовать нападение на Кизляр в целях поддержки войск Батал-паши. Однако на реке Тохтамыш российские войска одержали победу над войсками Батал-паши, а сам он попал в плен [9, с. 217].

Мысли настраивать народы Северо-Восточного Кавказа против России османы никогда не оставляли. Они использовали малейшие внутренние междоусобные конфликты, промахи русской дипломатии в своих интересах. Порою антироссийские позиции на Северо-Восточном Кавказе образовывались не только в результате турецкой

агитации, но и установлении на местах грубой деспотии со стороны военного командования или отдельных представителей российской власти. Поэтому, как свидетельствуют материалы из архивов внешней политики России, российские власти предлагали во время русско-турецкой войны «ласкать» подарками правителей Северо-Восточного Кавказа, указывали астраханской и кизлярской таможням не препятствовать торгово-экономическим связям местного населения с Россией, чтобы была оказана справедливость и ласковость приезжающим туда для торга подвластным народам, не делая впредь никаких обид и притеснений. В результате такой политики многие антироссийские провокации османского правительства проваливались. Осторожная политика со стороны Российского правительства приносила больше пользы и Российскому правительству, и местным народам [13, с. 129].

Россия и впредь продолжала осторожную политику на Северо-Восточном Кавказе. Правительство постоянно требовало от военного командования «всячески ласкать и привлекать к себе лучших людей народа сего, тех же, кто более предан, жаловать чинами, деньгами и иными отличиями... следить, чтобы ни от войск наших, ни от казаков не было чинено ни малейшего притеснения и обиды горцам» [14, с. 28].

Мирная политика со стороны России нашла отклик у народов Северо-Восточного Кавказа. Их представители обратились с просьбой принять их в российское подданство. Турецкий султан Селим III пришел в ярость, получив известие о принятии шамхалом Тарковским и дербентским ханом российского подданства. Он резко осудил их в своем послании: «Сами они России преданы и много между ними и неистовых людей, из коих один шамхал, предавшись России, склонил даже и Дербента отдачу России. Я же с моей стороны, сколько можно стараться буду освободить от России Крым, Кабарду и прочие мусульманские области...» [5, с. 79]. «Если дагестанские владельцы обратятся за поддержкой к османам, – отмечалось в послании султана, – то Порты окажет им ее даже вплоть до отправки в Дагестан османских вооруженных сил. Тогда и ... уже нарушению мира не я буду причиной, а Россия» [11, с. 131].

В другом своем послании ко всем мусульманам, обитающим от Черного моря до Дербента, султан в краткой форме дает план антироссийской борьбы Оттоманской империи на 1794 г. В случае отклонения султанских требований Порты намерена начать войну с Россией весной 1794 г. Далее в послании султана содержатся очень важные сведения, где он перечисляет страны, антироссийски настроенные и тайно или открыто провоцирующие Порту на новую войну против России. В этот список входит кроме шаха Персии, «французы и короли других держав, которые желают воевать против России и ожидают, чтобы султан начал войну», а также, чтобы турецкие войска усиленно готовились к предстоящей войне [12, с. 74].

В своих донесениях посол России в Стамбуле Кочубей неоднократно отмечал, что Англия и Франция, преследуя свои интересы, были заинтересованы в обострении ситуации на Кавказе и поэтому провоцировали Порту на новую войну против России. Однако эти планы провалились из-за внутренних проблем в самой Османской империи. После этих событий, хотя и отношения между Россией и Турцией были вроде налажены, османы ни на один день не прекращали антироссийскую деятельность против России на Северо-Восточном Кавказе, о чем свидетельствует активность турецких эмиссаров в регионе. Порты провоцировала персидского шаха к походу на Кавказ, оказывая ему финансовую, продовольственную и военную поддержку [1, с. 345].

В конце XVIII в. после захвата Россией Крыма османы все свои силы бросили на борьбу за Северо-Восточный Кавказ. Одновременно Россия также начала более активно бороться за свое влияние в этом регионе. Эти шаги России вызвали бурную реакцию не только со стороны Ирана и Турции, но и у западноевропейских держав. После чего в результате анализа событий в дипломатических кругах Порты российский посол в Стамбуле пришел к выводу, что султан поддержит любого во всем в борьбе против России. Весной 1795 г. Ага-Мухаммед-хан перед своим походом в Грузию потребовал покорности от народов Северо-Восточного Кавказа. Они, единодушно решив оказывать сопротивление, обратились за помощью к России. В результате в Дагестан были отправлены войска, а владельцам Дагестана было предложено выступить совместно с российскими войсками и дать отпор неприятелю [11, с. 367].

Весной 1796 г. военное командование на Кавказе ввиду малочисленности отряда ген. Савельева решило дополнительно послать экспедиционный корпус во главе с ген. В.А. Зубовым. Однако после смерти Екатерины II ее преемник Павел I изменил внешнеполитический курс России на Кавказе. С уходом российских войск резко изменилось внешнеполитическое и внутривнутриполитическое положение на Северо-Восточном Кавказе. Для России это стало серьезным провалом в восточной политике. Все успехи российской дипломатии за последние века на Кавказе были аннулированы [15, с. 268].

Уход российских войск с Кавказа создал благоприятные условия для антироссийских сил. Как сообщают современники, шли оживленные переговоры между османами и персами при участии французских дипломатов о совместных выступлениях против России. В этих целях французские эмиссары не только побуждали шаха «к продолжению войны против России», но и предлагали заключить военный союз с Османской империей, обещая одновременно содействие в борьбе против России как самой Франции, так и Швеции, и Дании. Иран должен был таким образом явиться одним из звеньев антирусской коалиции [8, с. 21].

Убийство Аги-Мухаммед-хана внесло коррективы в развитие дальнейших событий. После провала европейских планов Павла I Россия решила вновь вернуться на Кавказ. Географическое положение Северного Кавказа предопределило его геополитическое значение. Представляя собой перешеек между Азово-Черноморским и Каспийским бассейнами в эпоху позднего средневековья, он рассматривался как один из важнейших регионов, обеспечивавший стратегический выход России в Закавказье, Малую Азию и Ближний Восток. Представляя собой узел сложных внутренних и внешнеполитических противоречий, регион традиционного противоборства Российского государства, Османской империи, шахского Ирана, с конца XVIII в. стал еще и объектом серьезного внимания Франции и супердержавы XIX в. – Англии.

На рубеже XVIII–XIX вв. международное положение Кавказа осложнилось активизацией восточной политики западноевропейских государств. Усмотрев в политике стремительно ворвавшейся в кавказские дела Российской империи угрозу своим геополитическим интересам, европейские державы активизировали действия по вовлечению восточных стран в конфликт. Так Великобритания настойчиво и упорно пыталась воспрепятствовать утверждению царской России на Кавказе, считая его важным стратегическим плацдармом на подступах к Индии, Ирану и Ближнему Востоку, а также потенциальным источником сырья и рынком сбыта. Эта активизация Европы осложнила и без того напряженную общекавказскую ситуацию и внесла определенные изменения и в кавказскую политику России [14, с. 31].

Великобритания и Франция наперебой обещали шаху и султану поддерживать их притязания на Кавказ, естественно, в обмен на соблюдение соответствующих обязательств в пользу той или иной враждующих между собой сторон (не прекращалась острая борьба между английской и французской дипломатией за преобладающее влияние на Ближнем Востоке). В результате значительных финансовых и дипломатических усилий англичанам удалось в январе 1801 г. заключить с шахом политический и торговый договор. На деле же англо-иранский договор был направлен в первую очередь против России. Начиная в 1804 г. войну против России, шахский двор в Тегеране рассчитывал на обещанную Англией всестороннюю помощь. Но это обязательство не было реализовано Англией, чем и воспользовались французские дипломаты и агенты, сумев добиться в мае 1807 г. заключения франко-иранского политического союза, по которому Иран обязывался объявить войну Англии, двинуть часть войск на Индию, а основные силы, при поддержке Франции, направить в Закавказье. Наполеон в письме иранскому шаху настаивал: «Атакуй энергично своего неприятеля (Россию, –*Н.М.*), которого я со своей стороны обессилил. Возьми от него снова Грузию и все провинции, которые составляли твою империю, и укрепи против него Каспийские ворота» [8, с.29].

В 1807 г. в Иране действовали сразу две военные миссии: французская и турецкая, присланная султаном Селимом для реорганизации иранской армии. Согласно Финкенштейнскому договору 1807 г. Париж стал активно вмешиваться в российско-иранские переговоры. Однако, в том же 1807 г. Наполеон заключил своего рода союзный договор с Александром I, что не позволило Франции реализовать обязательства, данные

ею Ирану о финансировании его войны против России. Этим, конечно же, не преминула воспользоваться британская дипломатия, добившись изгнания французов из Тегерана. В результате, в 1809 г. между Англией и Ираном был подписан договор «О союзе и дружбе».

С новым английским послом прибыла ощутимая «поддержка», а именно: 30 военных инструкторов, 20 новых орудий и 30 тыс. винтовок. Английский дипломат рекомендовал шаху приступить к наступлению в Закавказье и объявить России джихад. Вдохновляемые Англией и Францией, Иран и Турция наводнили феодальные владения Северного Кавказа фирманами с антироссийскими призывами, подкрепленными большими суммами денег и ценными подарками. Впервые в истории эти извечные противники – Иран и Турция объединились для изгнания России с Кавказа и раздела его на сферы своего влияния [7, с. 43].

В одном из фирманов, посланных в Дагестан, говорилось: «Неверные русские по злобной своей натуре не только питают вражду к высокой державе (Османской империи, – *Н.М.*), но и имеют коварную мысль разрушить ее, поэтому всем мусульманам необходимо подняться на священную войну» [12, с. 76].

Несмотря на военные и дипломатические усилия Ирана и Турции, вдохновляемые Францией, Россия в ноябре 1806 г. одержала ряд блестящих побед над войсками шаха и султана. При дворе шаха началась настоящая паника. Именно в это время на помощь Ирану поспешила Англия. И пока представители шаха затягивали переговоры с Россией, англичане усиленно готовили продолжение войны, подпитывая иранскую армию боеприпасами, вооружением и деньгами, строили крепости на границе Карабаха, Нахичевани и Ардебилля. Вдохновляемые финансовыми «вливаниями» Англии, представители Ирана сорвали предложенные Россией переговоры о заключении мира. Персидскому правительству со стороны Англии была выдана субсидия в 600 тыс. туманов, несколько тысяч ружей, артиллерия и т.д. Со специальной миссией из Стамбула в Тегеран прибыл визир с большими суммами денег и подарками для подтверждения союзного трактата и выработки плана совместных действий в Закавказье. По повелению султана к войне тщательно готовились эрзерумский, карский и ахалцихский паши. Турция и Иран наводнили Северный Кавказ многочисленными агентами. К Сурхай-хану Казикумухскому прибыли «турецкий хаджи и чиновник персидский» с письмами и деньгами, Ших-Али-хану от шаха посланец передал деньги и лошадь [16, с. 144].

В Аварию, Кайтаг, Табасаран, Ахты-пару и другие вольные общества были доставлены фирманы шаха, в которых он обещал горцам «награды и подарки больше, чем в минувшие времена», призывая подняться с ними на священную войну [10, с. 417]. Однако все эти призывы не нашли в Дагестане поддержки. Вмешательство турецкой и европейской дипломатии в дела горцев не принесло и не могло принести ничего, кроме зла, так как происходило далеко не в их интересах и не с какой-нибудь нравственной целью. В конкретно-исторической обстановке конца XVIII – начала XIX вв. пророссийская ориентация большей части феодальной элиты Дагестана соответствовала общенациональным интересам народов Северного Кавказа. Россия была наиболее реальной силой, способной оградить народы Кавказа, в частности Дагестана, от угрозы порабощения перманентно соперничавшими за сферы влияния восточными державами. В исторической перспективе владычество шахского Ирана и османской Турции всегда было для народов региона губительным, тормозящим общественно-экономическое и культурное развитие. К осени 1812 г. практически все феодальные владения Дагестана и союзы сельских обществ присягнули на верность России. Гюлистанский договор 1813 г. *de jure* оформил произошедшее *de facto* вхождение земель Восточного Кавказа, в том числе и Дагестана, в состав Российской империи. Этот договор лишь подвел итог длительному процессу политического, экономического и культурного сближения, юридически оформив вхождение дагестанских земель в состав многонациональной супердержавы – России.

Таким образом, резюмируя наше сообщение, можно констатировать, что со времени Каспийского похода Петра I в отношениях Дагестана с Россией наблюдалась определенная стабильность и возрастающее стремление к укреплению этих отношений. С того времени тенденция к сближению Дагестана с Россией приобретает необратимый характер. Во второй половине XVIII в. Турция и Иран, поддерживаемые ведущими европейскими державами, проводили на Северо-Восточном Кавказе довольно

агрессивную антироссийскую политику, пытаясь втянуть в ее орбиту представителей местной политической элиты и народные массы. Но благодаря умелой контрполитике России усилия восточных держав в указанном регионе потерпели неудачу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. 389 с.
2. Дубровин Н.Ф. История войн и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т.1. Кн.2. 423 с.
3. Кидирниязов Д.С. Дагестан и Северный Кавказ в политике России в XVIII – 20-е гг. XIX в. Махачкала, 2013. 456 с.
4. Кидирниязов Д.С. Дагестан во взаимоотношениях России с Ираном и Турцией (вторая половина 80 – конец 90-х гг. XVIII в.) // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 2011. Вып. VII. С. 67–93.
5. Сотавов Н.А. Кавказская проблема в русско-иранских, русско-турецких и ирано-турецких отношениях XVIII в. (Зарубежная историография) // Научная мысль Кавказа. Ростов-на-Дону, 1998. № 2. С.77–85.
6. Халаев З. А. Джарские общества во внешней политике сефевидского государства в первой трети XVIII в. // Кавказ и Ближний Восток: от каспийского похода Петра I до распада держава Надир -шаха. Мат-лы науч. конф., посвящ. «Году России». Махачкала: АЛЕФ, 2012. С. 264–267.
7. История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России. Махачкала, 2009. 752 с.
8. Иоаннисян А.Р. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Ереван, 1958. 316 с.
9. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч.2. 602 с.
10. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. 554с.
11. Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана XVIII – нач. XIX в. Махачкала, 1957. 408 с.
12. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Сб. док. М., 1988. 357 с.
13. Магарамов Ш.А. Помощь России Дагестану в отстаивании независимости от Ирана в начале XVII в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведения. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 6 (20). Ч. II. С. 129-134.
14. Джахиева Э.Г. Северо-Восточный Кавказ в международных отношениях: историко-правовые аспекты договоров, заключенных Россией с Турцией и Ираном. 1774–1826гг.: Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Махачкала, 2007. 31с.
15. Алиев Б.Г., Муртазаев А.О. Федерация даргинских союзов сельских общин Акуша-Дарго в XVII–первой половине XIX вв.: вопросы социально-экономической и политической истории. Махачкала, 2008. 400 с.
16. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. М., 2004. Т.1. 345 с.

REFERENCES

1. Gadzhiev V.G. *The role of Russia in the history of Daghestan* [Rol' Rossii v istorii Dagestana]. Moscow, 1965. 389 p.
2. Dubrovin N.F. *The history of wars and domination of Russians in the Caucasus* [Istoriya vojn i vladychestva russkikh na Kavkaze]. SPb., 1871. V.1. Book.2. 423 p.
3. Kidirniyazov D.S. *Daghestan and the North Caucasus in the policy of Russia in the 18th – 20s of the 19th centuries* [Dagestan i Severnyi Kavkaz v politike Rossii v XVIII – 20-e gg. XIX v.]. Makhachkala, 2013. 456 p.
4. Kidirniyazov D.S. *Daghestan in Russia's relations with Iran and Turkey (second half of the 80s – late 90s of the 18th century)* [Dagestan vo vzaimootnosheniyakh Rossii s Iranom i

Turtsiei (vtoraya polovina 80 – konets 90-kh gg. KhVIII v.)). In. *Issues of the History of Daghestan=Voprosy istorii Dagestana*. Makhachkala, 2011. Issue. VII. Pp. 67–93.

5. Sotavov N.A. The Caucasian problem in the Russian-Iranian, Russian-Turkish and Iranian-Turkish relations of the 18th century. (Foreign historiography) [Kavkazskaya problema v russko-iranskikh, russko-turetskikh i irano-turetskikh otnosheniyakh XVIII v. (Zarubezhnaya istoriografiya)]. In. *Scientific Thought of the Caucasus=Nauchnaya mysl' Kavkaza*. Rostov-on-Don, 1998. № 2. Pp.77–85.

6. Khalaev Z.A. The Jar societies in the foreign policy of the Safavid state in the first third of the 18th century [Dzharskie obshchestva vo vneshnei politiki sefevidskogo gosudarstva v pervoi treti XVIII v.]. In. *The Caucasus and the Middle East: from the Caspian expedition of Peter the Great until the collapse of the Nadir-Shah power. Materials of scientific conf., dedicated to «The Year of Russia»* (Kavkaz i Blizhnii Vostok: ot kaspiiskogo pokhoda Petra I do raspada derzhava Nadir -shakha. Mat-ly nauch. konf., posvyashch. «Godu Rossii»). Makhachkala: ALEF, 2012. Pp. 264–267.

7. *The history of centuries-old mutual relations and unity of the peoples of Daghestan with Russia. To the 150th anniversary of the final entry of Daghestan to Russia* [Istoriya mnogovekovykh vzaimootnoshenii i edineniya narodov Dagestana s Rossiei. K 150-letiyu okonchatel'nogo vkhozhdeniya Dagestana v sostav Rossii]. Makhachkala, 2009. 752 p.

8. Ioannisyan A.R. *Accession of Transcaucasia to Russia and international relations in the beginning of the 19th century* [Prisoedinenie Zakavkaz'ya k Rossii i mezhdunarodnye otnosheniya v nachale XIX stoletiya]. Yerevan, 1958. 316 p.

9. Butkov P.G. *Materials for the new history of the Caucasus from 1722 to 1803* [Materialy dlya novoi istorii Kavkaza s 1722 po 1803 god]. St. Petersburg, 1869. Part 2. 602 p.

10. *History of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the 18th century* [Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevneishikh vremen do kontsa XVIII v.]. Moscow, 1988. 554 p.

11. Magomedov R.M. *The socio-economic and political system of Daghestan of the 18th - beg. 19th centuries* [Obshchestvenno-ekonomicheskii i politicheskii stroi Dagestana XVIII – nach. XIX v.]. Makhachkala, 1957. 408 p.

12. *Russian-Daghestan relations in the 18th - early 19th centuries*. Collection of documents [Russko-dagestanskii otnosheniya v XVIII – nachale XIX v. Sb. dok.]. Moscow, 1988. 357 p.

13. Magaramov Sh.A. Russia's assistance to Daghestan in defending of independence on Iran in the early 17th century [Pomoshch' Rossii Dagestanu v otstaivaniy nezavisimosti ot Irana v nachale XVII v.]. In. *Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and art history questions of theory and practice=Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniya*. Tambov, 2012. № 6 (20). Part II. Pp. 129–134.

14. Dzhakhieva E.G. *North-Eastern Caucasus in international relations: historical and legal aspects of treaties concluded by Russia with Turkey and Iran. 1774–1826* [Severo-Vostochnyi Kavkaz v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: istoriko-pravovye aspekty dogovorov, zaklyuchennykh Rossiei s Turtsiei i Iranom. 1774–1826 gg.]. In. Author's abstract. diss. ... Dr. of Historical Sciences. Makhachkala, 2007. 31 p.

15. Aliev B.G., Murtazaev A.O. *Federation of the Dargin unions of rural communities of Akusha-Dargo in the 17th-first half of the 19th centuries: issues of socio-economic and political history* [Federatsiya darginskikh soyuzov sel'skikh obshchin Akusha-Dargo v XVII –pervoi polovine XIX vv.: voprosy sotsial'no-ekonomicheskoi i politicheskoi istorii]. Makhachkala, 2008. 400 p.

16. *The history of Daghestan from ancient times to our days* [Istoriya Dagestana s drevneishikh vremen do nashikh dnei]. Mocsow, 2004. T. 1. 345 p.